

С.А. Полхов

Рецензия на книгу Е.Л. Скворцовой и А.Л. Луцкого «Миры японской культуры»

Аннотация. В статье рассматривается содержание книги Е.Л. Скворцовой и А.Л. Луцкого «Миры японской культуры» (М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2025. 582 с. Серия «Древо смыслов». ISBN 978-5-98712-499-4). В обзоре обозначены главные темы, к которым обращаются авторы книги: развитие японской философии и социологии в новейший период, проблемы, с которыми сталкивается японское общество в XXI в., сущность и характерные черты японской цивилизации. Согласно выводу автора рецензии, книга представляет собой ценный вклад в изучение современной философии и культуры Японии в целом.

Ключевые слова: японская культура, японская философия, японское искусство, японская эстетика, японская литература, японский национализм, Нисида Китаро, Имамита Томонобу, экзистенциализм, глобализация.

Автор: Полхов Святослав Александрович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН (адрес: 107031, Москва, ул. Рождественка, д. 12). ORCID: 0000-0003-4705-7488.
E-mail: cjr-ran@yandex.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Полхов С.А. Рецензия на книгу Е.Л. Скворцовой и А.Л. Луцкого «Миры японской культуры» // Японские исследования. 2025. № 2. С. 122—129. DOI: 10.55105/2500-2872-2025-2-122-129.

S.A. Polkhov

Book review: “Worlds of Japanese Culture” by Elena L. Skvortsova and Alexander L. Lutsky

Abstract. The article examines the contents of the book “Worlds of Japanese Culture” by E.L. Skvortsova and A.L. Lutsky (Moscow, St. Petersburg: Center for Humanitarian Initiatives, 2025. 582 p. Series “Tree of Meanings.” ISBN 978-5-98712-499-4). The review outlines the main topics addressed by the authors of the book: the development of Japanese philosophy and sociology in the modern period, the problems faced by Japanese society in the 21st century, the essence and characteristic features of Japanese civilization. According to the author of the review, the book is a valuable contribution to the study of modern philosophy and culture of Japan as a whole.

Keywords: Japanese culture, Japanese philosophy, Japanese art, Japanese aesthetics, Japanese literature, Japanese nationalism, Nishida Kitaro, Imamichi Tomonobu, existentialism, globalization.

Author: Polkhov Sviatoslav A., PhD (History), Senior Researcher, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences (address: Institute of Oriental Studies Russian Academy of Science 107031, 12 Rozhdestvenka St., Moscow, Russia).
ORCID: 0000-0003-4705-7488. E-mail: cjr-ran@yandex.ru

Conflict of interests. The author declares the absence of the conflict of interests.

For citation: Polkhov S.A. (2025). Retsenziya na knigu E. L. Skvortsovoi i A. L. Luts-kogo «Miry yaponskoi kul'tury» [Book review: "Worlds of Japanese Culture" by Elena L. Skvortsova and Alexander L. Lutsky]. *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 2025, 2, 122—129. (In Russian). DOI: 10.55105/2500-2872-2025-2-122-129.

Книга «Миры японской культуры», написанная доктором философских наук, ведущим научным сотрудником Института востоковедения РАН Еленой Львовной Сворцовой в соавторстве с японоведом, кандидатом филологических наук Александром Леонидовичем Луцким, посвящена целому ряду ключевых вопросов, относящихся к истории и современному этапу развития японской философии и социологии. Книга также содержит размышления самих авторов о характерных чертах японской культуры и актуальных проблемах современного японского общества (и всего человечества). В центре внимания авторов — цивилизационное взаимодействие Страны восходящего солнца и Запада, проблемы национальной идентичности и японского национализма в контексте глобализационных процессов. В книгу так или иначе вошли и ранее опубликованные научные статьи авторов, она снабжена адекватным научным аппаратом — библиографическим списком, глоссарием терминов и указателем имен.

Японская философия рассматривается в труде Е.Л. Сворцовой и А.Л. Луцкого как синтез разнообразных мыслительных традиций Востока и Запада. В то же время ученые полагают, что компромиссность — одна из наиглавнейших черт японской культуры, буквально пронизывающая все ее уровни и сферы. Компромиссность понимается в книге как «мирное сосуществование разного, осознанное сохранение противоречий как необходимо дополняющих друг друга в рамках целого, признаваемого за высшую ценность» [Сворцова, Луцкий 2025, с. 18]. Авторы отмечают, что для японской цивилизации с древности была присуща установка на усвоение гетерогенных религиозных, философских, социально-политических традиций: в древней Японии наблюдалось гармоничное сочетание китайского и японского элементов в языковой системе, буддизм уживался с местными культами, а чужеземные конфуцианские доктрины были умело использованы для государственного строительства [Сворцова, Луцкий 2025, с. 35]. Вместе с тем для японцев в отличие от индивидов Западной культуры, по мнению Е.Л. Сворцовой и А.Л. Луцкого, присуща «неиндивидуалистичность», они не склонны противопоставлять себя ни природному универсуму, ни общественным группам, и напротив в них «растворены» [Сворцова, Луцкий 2025, с. 31]. Японец всегда стремился к гармонии со всем окружающим миром. «В рамках

японской духовной традиции сформировался образ единого «тела страны» (яп. *кокутай*) — органического целого ландшафта, климата и произрастающего в этом климате и на этой земле населения. «Тело страны» имеет приоритет перед отдельными «клетками»-гражданами, которые в него входят. По сути, японцы полагают свою страну квазиорганизмом и считают ошибкой рассматривать мир как состоящий из отдельных индивидов», — считают Е.Л. Скворцова и А.Л. Луцкий [Скворцова, Луцкий 2025, с. 31]. По мнению исследователей, «возглавляет это «тело» императорская семья, связанная, по преданию, родственными узами с солярным божеством Аматерасу».

Синестезийность — это, согласно Е.Л. Скворцовой и А.Л. Луцкому, еще одна особенность японской культуры. Синестезия, как соединение основного впечатления с другими ассоциативными ощущениями, определяет целостное восприятие мира в традиционной японской культуре, поскольку «позволяет инвариантно воспринимать различные модальности чувственности» [Скворцова, Луцкий 2025, с. 69]. Синестезия делает возможным «полимодальное воздействие на человека, при котором достигается наибольшая эстетическая образность и полнота восприятия» [Скворцова, Луцкий 2025, с. 57]. В художественной традиции Японии приемы, стимулирующие синестезию, существовали еще в Средние века, тогда как на Западе получили распространение только во второй половине XIX — начале XX вв. [Скворцова, Луцкий 2025, с. 58]. Чайная церемония, искусство составления ароматов, по мысли авторов книги, — яркие примеры проявления синестезийности в японской культуре [Скворцова, Луцкий 2025, с. 62, 69].

Ещё одна группа очерков, вошедших в книгу, посвящена истории становления японской социологической науки и японской философии. Авторы рельефно показывают как огромную роль западных концепций и идей в этом сложном процессе, так и специфику воззрений японских мыслителей, перенимавших и творчески переосмысливавших чужеземное идейное наследие. Е.Л. Скворцова и А.Л. Луцкий датируют вторым десятилетием XX в. полноценную институционализацию социологической науки в Японии и останавливаются на фигуре японского ученого Такэбэ Тонго (建部 遯吾 1871—1945), находившегося под сильным воздействием позитивизма Огюста Конта. Именно Такэбэ в 1898 г. стал главой кафедры социологии Токийского императорского университета, а в 1903 г. возглавил Японское социологическое общество. Своеобразной чертой взглядов Такэбэ является его представление о государстве как органическом социальном образовании, «поддерживаемом жесткой системой отношений отцов и детей, императора и подданных», которое при этом органично вписано в естественный порядок и существует по законам природного мира [Скворцова, Луцкий 2025, с. 105]. В теориях Като Хироюки (加藤弘之 1836—1916), другого замечательного японского социолога, который также был философом и государственным деятелем, были объединены элементы конфуцианства и идеи западноевропейской философии. В своем труде «Дзинкэн синрон» («Новая теория прав человека») Като, приверженец социального эволюционизма и социал-дарвинизма, констатировал наличие в обществе подавления «сильным» «слабого», а также угнетения «высшим» «низшего». В связи с этим люди в государстве неизбежно будут про-

сильней защиты у императора, как человека, обладающего харизмой *дэ* или «высшей моралью» [Сворцова, Луцкий 2025, с. 112]. Вместе с тем Като подчеркивал в рамках своей «эволюционно националистической концепции» принцип борьбы наций, форма которого претерпевает изменения. В ходе такой борьбы «сильные» поглощают «слабых», в результате должно возникнуть государство, объединяющее всю вселенную; возглавляемая *тэнно*: Япония в будущем может принять такую роль на себя [Сворцова, Луцкий 2025, с. 115].

Подробно излагаются воззрения одного из основателей академической японской философии Ниси Аманэ (西周 1829—1897), начинавшего с изучения неоконфуцианских доктрин и впоследствии испытывавшего сильное воздействие утилитаризма Дж. Ст. Милля и позитивизма О. Конта. Ниси в своей работе «Хякуити синрон» («Новая теория ста и одного», 1874 г.) сконструировал новый для японского языка термин «философия вообще» *тэцугаку* 哲学, который получил широкое распространение не только в Японии, но и в Китае и Корее [Сворцова, Луцкий 2025, с. 133].

Воззрения основателя Киотской школы Нисида Китаро (西田 幾多郎 1870—1945) неоднократно рассматриваются во многих частях книги Е.Л. Сворцовой и А.Л. Луцкого. В работе «Самосознающая система общего» («Иппанся-но дзикакутэки тайкэй», 1929 г.) Нисида впервые формулирует понятие «поля-ничто», сходное как с понятием Ничто в буддизме, так и, по мнению авторов книги, связанное с философией Платона, «у которого небытие, ничто также трактуется онтологически, как потенция, актуализируемая при взаимодействии с эйдосами» [Сворцова, Луцкий 2025, с. 138]. Ничто, как подчеркивают авторы сборника, это основополагающая категория дальневосточной религиозно-философской традиции вообще, и к ней обращаются многие японские мыслители XIX—XX вв.

По мнению Нисида Китаро, существует фундаментальное различие между основаниями культур Запада (христианский Запад) и Востока (культуры Индийского и Дальневосточного цивилизационного круга): «Запад в основание реальности помещал Бытие (*у* — кит., *ю* — яп.); Восток же в качестве такого основания полагал Ничто (*му*). Я называю эти позиции “форма” и “бесформенное” соответственно» [Сворцова, Луцкий 2025, с. 142]. Для Нисиды «форма» в основании культуры — это «статика, определенность, аристотелевская логика», а «бесформенное» — «динамика, неопределенность, логика диалектического мира». Культуру Запада, в основе которой греческая культура и христианство, Нисида относит к культуре Бытия, тогда как культуры Индии, Китая и Японии — к культурам Небытия [Сворцова, Луцкий 2025, с. 143]. Вместе с тем японский философ подчеркивал исконную самобытность и оригинальность основанной на идее Ничто японской культуры, которая смогла ассимилировать китайское и индийское влияния [Сворцова, Луцкий 2025, с. 146]. Японская культура не ориентирована на «запредельное вечное», ей не присуща религиозность, основанная на «заветах трансцендентного бога». Главная неповторимая ее особенность — это не идеи, не заповеди, не законы и не ритуал, а «эмоциональность, опора на чувство» [Сворцова, Луцкий 2025, с. 146].

Рассуждая о современном пути развития Японии, Нисида видел в 1868 годе некий водораздел — именно тогда страна вошла в тесный цивилизационный

контакт с Западом. Однако, как хорошо показывают в своей книге Е.Л. Скворцова и А.Л. Луцкий, Нисида не устал призывать к сохранению национальной идентичности в процессе взаимодействия с культурой Запада. «Мы должны развивать наш национализм, но так, чтобы видеть культуру Японии органично вписанной в общемировую», — писал японский мыслитель. Японские традиции должны стать твердой опорой, связующей прошлое, настоящее и будущее, полагал Нисида [Скворцова, Луцкий 2025, с. 149, 150].

Авторы книги демонстрируют, что свое плодотворное развитие идеи Нисиды Китаро получили в трудах его учеников, одним из которых был его биограф Ниситани Кэйдзи (西谷啓治 1900—1990). Ниситани был уверен, что над Японией нависла реальная опасность утраты национальной аутентичности, так как в период Мэйдзи страна слишком увлеклась модернизацией, пренебрегая сохранением собственной духовной традиции [Скворцова, Луцкий 2025, с. 177]. Он сомневался в способности науки и философии дать человеку ответы на главные вопросы, разъяснить «природу истинной реальности», ведь само бытие имеет множественный и относительный характер. По мнению Ниситани, только отказ от декартовского эго-когито и принятие религии позволит человеку постигнуть, что же есть мир и «мое Я в нем» [Скворцова, Луцкий 2025, с. 179].

Е.Л. Скворцова и А.Л. Луцкий приходят к выводу, что для Киотской философской школы присуща двухвекторность мировоззренческих установок: с одной стороны ее представители опираются на буддийскую и даосскую традицию метафизики (Ничто — *ку*, 空 или *му* как истинная реальность), а с другой — задействуют категориальную систему западной эпистемологии [Скворцова, Луцкий 2025, с. 180].

Немало места в книге уделено рассмотрению философских построений Имамита Томонобу (今道友信 1922—2012), эрудита и знатока древних и современных западных языков. В XXI в. человеку необходима совершенно новая философия, в качестве которой Имамита предлагает «метатехнику». Человек потерял связь с природой, поэтому место метафизики («надприродной теории») сегодня должна занять «метатехника», которая должна состоять из «эко-этики» (новая этика по отношению к человеку, а также по отношению ко всему окружающему), «урбаники» (городская философия) и «калонологии» (новой эстетики) [Скворцова, Луцкий 2025, с. 488]. Философ был встревожен невиданной мощью новейших технологий и их влиянием на человечество. Трудовые процессы «отданы на откуп машинам», что облегчает условия человеческой жизни, стало больше свободного времени (досуга). Прогресс становится маркером современной цивилизации, которая стремится к вечной молодости. При этом все больший акцент делается на результате, а не на усилиях. Быстрое и легкое достижение результата неизбежно ведет к размыванию навыков и устоев традиционной народной жизни [Скворцова, Луцкий 2025, с. 216]. Простой и беспрепятственный доступ к новым артефактам, удобствам и достижениям прогресса влечет за собой дальнейшую изоляцию человека от природы [Скворцова, Луцкий 2025, с. 217]. Е.Л. Скворцова и А.Л. Луцкий подробно останавливаются на урбанике Имамита. Большинство людей стало жить в огромных городах (город философ называет «логовом блуждающих анонимов»), в которых у людей с одной сторо-

ны вырабатывается одинаковый образ жизни и сходные привычки, а с другой — постепенно девальвируются и разрушаются традиционные семейные ценности, традиционные представления о труде, о сущности человека. Посредством СМИ в обществе тиражируются новые эталоны поведения — новые «герои» эпатируют своим внешним видом публику, распространяют «мессидж презрения к труду, гедонизма и эгоизма» [Сковрцова, Луцкий 2025, с. 217].

Кроме того, Томомити получил известность благодаря своей «эко-этике». Если раньше (до 1980-х гг.) в этике видели науку о морали и межчеловеческих отношениях, то в принципиально новой ситуации взаимодействие и связи между людьми гораздо в большей степени опосредуются «технологической мембраной»: люди контактируют с помощью средств электронной социальной коммуникации. В этих условиях этика как философская дисциплина должна инкорпорировать в себя и техносреду. Вместе с тем техносфера оказывает огромное воздействие на деградацию природы, что таит в себе угрозу и для человечества. Современная этика также должна стать этикой в отношении вещей (*ethica ad res*), эко-этикой [Сковрцова, Луцкий 2025, с. 217, 218].

Как отмечают Е.Л. Сковрцова и А.Л. Луцкий, Имамита обращает особое внимание на проблему смерти в высокотехнологическом обществе. В настоящее время понятия жизни, смерти, длительности, старения получили новые коннотации. Имамита начинает свои танатологические рассуждения с тезиса о том, что смерть — это не что иное как ограничение человеческой жизни в этом мире, которое, однако, необходимо как для существования «дел и вещей», так и для их осознания в нашем опыте [Сковрцова, Луцкий 2025, с. 220]. Смерть как отрицание и ограничение — это явленные формы Ничто, которое так или иначе присутствует, хотя и не в виде оформленного сущего. Разрешение загадки модуса бытия Ничто недоступно человеческому разуму [Сковрцова, Луцкий 2025, с. 221]. Вместе с тем философ выдвигает тезис о трех ипостасях Ничто: 1) оно делает сущее сущим; 2) оно отделяет сущее от Бытия; 3) но оно же — сила, уничтожающая сущее изнутри. Для Имамита Ничто — первопричина возникновения как индивидуальности человека, так и темпоральности [Сковрцова, Луцкий 2025, с. 223].

Е.Л. Сковрцова и А.Л. Луцкий своевременно напоминают читателю, что Имамита был католиком и видел в человеческой душе нематериальную, вечную сущность. В то же время, не всякая душа бессмертна, смерть для творческого индивида становится лишь «телесной смертью», и одновременно мигом воссоединения с бесконечным Бытием, поскольку при жизни в ходе постоянных «тренировок» его душа неоднократно трансцендировала из обыденности и материальности мира в иное, духовное «измерение» (при прослушивании классической музыки, чтении серьезной книги, в моменты экстаза творчества и т. п.). Людей с «неразвитыми душами», согласно Имамита Томонобу, после смерти ожидает судьба животных и растений, бесконечно повторяющих себя в циклах биологического воспроизводства [Сковрцова, Луцкий 2025, с. 224, 225].

Е.Л. Сковрцова и А.Л. Луцкий отмечают «глубину теоретического погружения японского философа в тему умирания и смерти», Имамита выстраивает свою собственную концепцию, полемизируя как с религиозной трактовкой

смерти, так и со взглядами экзистенциалистов — М. Хайдеггера и Ж.-П. Сартра [Скворцова, Луцкий 2025, с. 228].

В то же время в своей книге Е.Л. Скворцова и А.Л. Луцкий немало внимания уделяют анализу новейших эстетических воззрений японских философов — не только Имамита Томонобу, но и Ониси Ёсинори (大西克礼 1888—1959), Идзущу Тосихико (井筒俊彦, 1914—1993), Окадзаки Ёсиэ (1892—1982), Хисамацу Синъити (久松 真一, 1889—1980). Все они стремились постигнуть суть японских представлений о прекрасном, в том числе с помощью категорий Пустоты и Ничто из идейного наследия дальневосточной философской традиции. Представитель Киотской школы Куки Сюдзо (九 鬼周造 1888—1941) в своем труде «Структура ики» (粋の構造, *ики-но кодзо*) выдвинул в качестве главного эстетического понятия красоты в эпоху Эдо (1603—1868) понятие *ики* 粋. Тело находится вне поля зрения западной культурологии, сетовал мыслитель. Для Куки утонченные проявления телесности — неотъемлемая часть и средоточие культурной идентичности японцев [Скворцова, Луцкий 2025, с. 233]. Смысл *ики* передается в японском языке, но его адекватный перевод на западные языки невозможен, а посредством общих понятий его суть не сформулировать, утверждал Куки Сюдзо. Он видел в *ики* комплекс противоречивых состояний, которые можно пережить, но сложно описать [Скворцова, Луцкий 2025, с. 235]. *Ики* отражается как в физических чертах и особенностях поведения человека (черты лица, жестикуляция, походка, интонация голоса), так и в особенностях произведений музыкального, танцевального и архитектурного искусства [Скворцова, Луцкий 2025, с. 237].

Караки Дзюндзо (唐木順三, 1904—1980) — еще один представитель Киотской школы, ученик Нисида Китаро, который, как пишут Е.Л. Скворцова и А.Л. Луцкий, познакомившись с Западной философией, сохранил приверженность буддизму. Он был не только прекрасным исследователем традиционной эстетики Японии, но историком японской литературы. В работе «Мудзё» 無常 изложена история эстетической категории *мудзё* от эпохи Хэйан (794—1185) до XVII в. Как показывают Е.Л. Скворцова и А.Л. Луцкий, «понятие *мудзё* (無常) является одним из главных, ведущих и направляющих к Ничто — предельному понятию восточной мысли (в отличие от категории Бытия как мировоззренческого фундамента Запада)» [Скворцова, Луцкий 2025, с. 244]. Вышеупомянутые философы изучали японскую эстетическую традицию с помощью категориального аппарата западной философии. Однако поколение более молодых ученых, среди которых Сакабэ Мэгуми (坂部恵 1936—2009), Сасаки Кэнъити (佐々木健一, род. в 1943), Амагасаки Акира (尼ヶ崎彬, род. в 1947) и др. подвергли многих своих предшественников беспощадной критике за попытку схематизации традиционной японской эстетики путем «втискивания» ее в «чуждую» западную систему координат, отрицали философский статус эстетики и ставили своей задачей понимание японской эстетики без обращения к идейному багажу западной философии [Скворцова, Луцкий 2025, с. 251, 252].

Наконец, одной из важнейших тем труда Е.Л. Скворцовой и А.Л. Луцкого является изучение влияния философии европейского экзистенциализма на японскую литературу и философию. Как считают авторы книги, японцев привлекали те школы и направления, были созвучны «их собственной буддий-

ско-конфуцианской традиции» [Сковрцова, Луцкий 2025, с. 267]. Е.Л. Сковрцова и А.Л. Луцкий выдвигают тезис о сходстве буддийской и экзистенциалистской мировоззренческих систем, для которых присущ антиинтеллектуализм и антипрагматизм, в то же время обращая внимание и на существенные отличия буддизма и экзистенциализма [Сковрцова, Луцкий 2025, с. 271—273].

В книге рассмотрена и деятельность Вацудзи Тэцуро (和辻哲郎 1889—1960), известного японского мыслителя, повлиявшего на развитие японской философии. Вацудзи стремился продемонстрировать уникальность и богатство японской культуры всему миру.

Е.Л. Сковрцова и А.Л. Луцкий также провели интересное сопоставление взглядов двух исследователей японской культуры — Т.П. Григорьевой и Т. Сугияма-Лебра, которые «вполне могут быть причислены к авторам *нихон бунка рон*» [Сковрцова, Луцкий 2025, с. 401]. Завершают книгу размышления Е.Л. Сковрцовой и А.Л. Луцкого о неоднозначном влиянии глобализации на духовное развитие Японии, а также о японском национализме как культурологической проблеме. В своего рода постскрипуме к книге «Вместо послесловия (Является ли гуманитарная культура фактором социальной устойчивости?)» ученые настаивают на том, что в XXI в. первоосновой гуманитарной культуры «снова должны стать традиционные религии с признанием верховенства надмирных абсолютных духовных ценностей». Однако, как пишут Е.Л. Сковрцова и А.Л. Луцкий, «в условиях укоренившихся в XX в. атеизма и нигилизма, к принятию этих ценностей должна подводить философия — как рациональная часть гуманитарного знания» [Сковрцова, Луцкий 2025, с. 508].

Данная короткая рецензия, безусловно, не призвана отразить всего богатства и многообразия тем и смыслов книги «Миры японской культуры». Вероятно, не со всеми выводами ее авторов можно согласиться, многие высказанные ими мысли не могут не вызвать возражений, однако, она несомненно является серьезным вкладом в изучение японской философии и культуры и будет востребована как среди профильных специалистов (японоведов и востоковедов), так и среди широкого круга читателей.

Библиографический список

Сковрцова Е.Л., Луцкий А.Л. Миры японской культуры. Серия «Древо смыслов». М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2025. 582 с. ISBN 978-5-98712-499-4.

References

Skvortsova E.L., Lutsky, A.L. (2025). *Miry yaponskoi kul'tury* [Worlds of Japanese Culture]. Seriya «Drevo smyslov» [Series “Tree of Meanings”]. Moscow, Saint Petersburg: Center for Humanitarian Initiatives. (In Russian). ISBN 978-5-98712-499-4.